

Сюжет о женитьбе Шаньюя Модэ / Огуз-Хана (по сочинениям китайца Сыма Цяня, иранца Рашид-ад-Дина и хивинца Абу-л-Гази)

Мурадгелди Соегов

Национальный институт рукописей Академии наук Туркменистана
msoyegov@gmail.com

Ключевые слова: Тумань, император, Модэ, Огуз-хан, женитьба, сравнительное изучение
Key words: Touman, emperor, Mode, Oguz-khan, marriage, comparative studying

Вслед за Н.Я. Бичурином (Иакинфом), Фридрихом Хиртом, В.С. Таскином и некоторыми другими учеными, которые высказали предположение об идентичности шаньюя хуннов (хунну, сюнну) Модэ (Маодунь, 234–174 до н. э.) в китайских анналах с Огуз-ханом из «Родословной туркмен» и других, более ранних «Огуз-наме», автор статьи впервые провел работу по сравнению сюжетных линий о женитьбе Модэ (Огуз-хана) по этим письменным памятникам и пришел к выводу об их общем древнем источнике, хотя по канонам жанра они претерпели в последующем к соответствующим изменениям.

Прежде всего, хотим специально оговорить, что для достижения наибольшей наглядности фактического материала и подтверждения достоверности наших конкретных выводов и общего заключения в ходе проведения предстоящего сравнительного исследования мы будем постоянно ознакомить читателей с отрывками из изучаемых источников, а именно из «Исторических записок» («Ши цзи») историографа империи Хань, китайца Сыма Цяня (I век до н.э.) в переводе Н.Я. Бичурина (Иакинфа, 1777–1853) и В.С. Таскина (1917–1995), «Огуз-наме» из сочинения персоязычного автора, главного визиря государства Хулагуидов (Ильханидов) Рашид-ад-Дина (XIV век н.э.) в переводе нашей современницы Р.М. Шукюровой и «Родословной туркмен» хивинского хана Абу-л-Гази (XVI век н.э.) в переводе А.Н. Кононова (1906–1986). Можно ли будет получить каких либо положительных результатов, сравнив столь отдаленных друг от друга по времени источников, особенно первого и второго? Оставляя этот риторический вопрос пока открытым, попытаемся найти ответ на конкретный вопрос, внесенный в заголовок нашей статьи.

Начнем со слов первого русского переводчика китайских анналов Н.Я. Бичурина, названных им самим «Историческим примечанием»:

«Модэ известен в азиатских историях под громким именем Огуз-хана, сына Караханова. Хондемир пишет, что Карахан, кочевавший на Каракуме, узнав, что сын его поклоняется богу по новой вере, пошел на него войною, с намерением убить его: но правоверная жена Огуз-Ханова немедленно изв естила его о том. Карахан погиб в сражении; а Огуз-хан приняв престол по нем, и в течение 73 лет своего царствования покорил весь Тюркистан. — Абыль-кази-Хан, в своей истории о Тюркских племенах, также представляет Огуз-хана образцом правоверия. Он пишет, что Кара-хан, отец Огуз-ханов, предпринял убить сына своего за введение новой веры, и в то время, когда Огуз Хан был на охоте, пошел на него с многочисленным войском, но, несмотря на то проиграл сражение, и на побеге умер от раны стрелою. Огуз-хан, о бъявив себя ханом, во-первых, пошел войною на Татар-хана (Дунху), который кочевал близ границы Китая и победил его; потом покорил Китайскую Империю, город Чжурчжут и Тангутское

царство; после сего завоевал все владения, лежащие от Монголии на юг до Индии, на запад до Каспийского моря» (Бичурин, 1950, с. 56–57).

Другой русский переводчик В.С. Таскин в этом вопросе полностью поддерживает своих предшественников (Ф. Хирта и др.), отмечая факт «о поразительном сходстве биографии Огуз-кагана в тюрко-персидских рукописях... с биографией Маодуня в китайских источниках» (Таскин, 1968, с. 129).

Если немецко-американский китаевед и тюрколог Фридрих Хирт (Friedrich Hirth, 1845–1927) считает, что имя шаньюя Модэ – это китайская транскрипция тюркского слова «батыр» («багадур»), так как в китайском языке звук «р» не произносится, то «батыр» превращается в «баду» или «модэ» (См.: Таскин, 1968, с. 129). Со своей стороны добавим, что Тумань (имя отца Модэ) и Кара-хан (имя отца Огуз-хана) являются также идентичными по своему первичному лексическому значению: тум/тун ‘ночная мгла’, ‘ночь’ // кара/гара ‘черный’; гаранки ‘темнота’. Сюда же напрашивается добавление о параллели между 24 хуннскими (хунну / сюнну) родами, объединенными Модэ, и 24 племенами – внуками Огуз-хана. По этому поводу краткая цитата из «Исторических записок» в переводе Н.Я. Бичурина: «Каждый из 24 старейшин – для направления дел, поставляет у себя тысячников, сотников, десятников» (Бичурин, 1950, с. 49). О хронологической устойчивости этого этнического деления свидетельствует и то, что войска туркмен и кыпчаков в Мамлюкском Египте также состояли из 24-и больших подразделений (См.: Соегов, 2016, с. 32–36).

Теперь приступим непосредственно к выявлению общих сюжетных линий, вырисовывавшихся в наших источниках в описании женитьбы шаньюя Модэ (Маодунь, 234–174 до н. э.) и Огуз-хана. У Сыма Цяня в переводе В.С. Таскина читаем: «Непрерывные набеги (хуннов–М.С.) тревожили императора, а поэтому он обратился за советом к сановнику Лю Цзину. Лю Цзин предложил: «Если Вы, Ваше Величество, сможете отдать Маодуню в жены старшую дочь от главной жены и послать ему щедрые подарки, он поймет, что ханьского императора может принести варварам богатства, а поэтому, соблазнившись на них, непременно сделает ее своей женой, а когда у нее родится сын, непременно объявит его наследником, который станет вместо него шаньюем.. Пока Маодунь жив, он, разумеется, будет вашим зятем, когда же умрет, шаньюем станет сын вашей дочери. А разве когда-нибудь было слышно, что внук относился к деде как к равному? Так можно вез войны постепенно превратить сюнну в своих слуг».

Лю Бай взял девушку из простой семьи, выдал ее за свою старшую дочь и отдал в жены шаньюю» (Курсив наш – М.С.) (Таскин 1968, с. 24).

По нашему убеждению, именно в замене невесток «зарыта собака», которая связывает сюжет о женитьбе Модэ с аналогичным сюжетом в других наших источниках. Но прежде заглянем в соответствующую страницу перевода Н.Я. Бичурина: «Убедить его (Модэ) милостью и справедливостью невозможно; а можно упрочить это дело хитростью, и даже потомков его сделать вассалами. Если выдать за него старшую царевну, то он непременно полюбит ее и возведет в Яньчжы; сын от нее непременно будет наследником престола. По временам года будем посылать наведываться и внушать им правила благоприличия. Модэ при жизни своей будет сыном и зятем, а по смерти его Шаньюем будет внук по дочери. Сим образом без войны можно покорить их. Хорошо, сказал император и хотел отправить старшую царевну; но Люй-хэу воспротивилась. И так дочь придворного вельможи выдали за Шаньюя с титулом царевны» (Курсив наш – М.С.) (Бичурин, 1950, с. 52).

Из китайских анналов явствует, что император по подчиненности считал шаньюя своим сыном, а себя его отцом. Таким образом, у шаньюя Модэ были как-бы два отца, т.е. биологический отец Тумань (у Огуза – Кара-хан) и отец-император согласно

занимаемой им высокой должности. Исходя из этого, можно допустить предположение о том, что в действительности шаньюй не принял себе в жены тех отправленных ему невест, которые не явились дочерью отца-императора, а были дочерьями его братьев, но китайский летописец об этом умалчивал специально.

Обман Модэ со стороны отца-императора при выдаче за него не ту невесту, которая предназначалась ему сначала, трансформировался по канонам жанра в поочередную женитьбу Кара-ханом своего сына Огуза на дочерей своих братьев. При этом сюжет заполнен исламским содержанием, необходимым для передачи родоначальнику туркмен изначального характера истинного мусульманина. Вот отрывок из «Огуз-наме» Рашид-ад-Дина: «Отец обручил Огуза с дочерью его дяди Кюз-хана. Огуз привел жену домой. Он призвал ее уверовать в господа. Девушка не приняла его условий, и тогда Огуз отказал ей в близости.

Когда отец заметил, что сын перестал оказывать ей внимание, он просватал за него дочь другого брата Кюр-хана. Огуз потребовал от нее то же самое. Девушка уклонилась от этого и сказала: «Если ты будешь заставляешь меня сделать это, то я расскажу обо всем твоему отцу и он тебя убьет!». Огуз прервал отношения и с ней. Как только Кара-хан понял, что Огуз питает отвращение к обеим девушкам, он посватал за него дочь Ор-хана. Однажды эта девушка со своими рабынями гуляла на берегу (реки?) и созерцала (окрестности). Рабыни стирали в воде белье. Огуз же в это время возвращался с охоты, и, разговорившись, он объявил ей о своем намерении: «Если ты согласишься с моими словами и примешь их, то я приму тебя в жены. Иначе я буду избегать тебя, отдалюсь от тебя и разлучусь с тобой так же, как и с другими невестами».

Девушка ответила так: «Я – твоя частица и что бы ты ни приказал мне – я подчиняюсь и буду повиноваться»... Огуз привел эту девушку домой и сблизился с ней. Любил он ее беспредельно. Женщина, в свою очередь, тоже выказывала ему свою привязанность и любовь. В то же время Огуз продолжал отворачиваться от первых двух невест» (Рашид-ад-Дин, 1987, с. 26–27).

Аду-л-Гази в своей «Родословной туркмен» передает эти события в следующей манере: «Когда Огуз стал джигитом, Кара-хан дал (ему в жены) дочь своего младшего брата Гур-хана. Когда никого не было, Огуз сказал девушке: “Есть тот, кто сотворил мир, тебя и меня. Имя его – Аллах. Знай, что он существует, знай, что он — един и [200] не поступай иначе, как по его повелению”. Девушка не согласилась с этим. Он тотчас (ее) оставил и стал спать отдельно от девушки. Ночью он спал отдельно, а днем не разговаривал (с нею). Спустя некоторое время, Кара-хану сказали: “Ваш сын не любит свою жену и из-за неприязни к ней с того самого дня, когда взял (ее в жены), не спит вместе (с нею)”. Кара-хан, выслушав эти речи, дал (Огузу в жены) дочь своего (другого) младшего брата Кыр-хана. И ей (Огуз) сказал: “Прими (праведную) веру”. И эта девушка не согласилась, и с нею (Огуз) вместе не спал.

Спустя несколько лет после этого случая Огуз-хан отправился на охоту. Возвращаясь, он увидел, что несколько женщин на берегу речки стирают белье. Среди них была дочь Ур-хана, (третьего) младшего брата его отца. Опасаясь, что его тайна будет открыта, он послал к девушке человека, чтобы тот поговорил с нею. Затем (Огуз) отвел девушку в сторону и, когда она дала клятву (сохранить тайну), сказал: “Мой отец дал (мне в жены) двух девушек; причина того, что я не люблю их, в том, что я мусульманин, а они — неверные. И сколько раз я ни говорил им: ”Станьте мусульманками”, они не соглашались. Если бы ты стала мусульманкой, я взял бы тебя (в жены)”. Когда он так сказал, девушка ответила: “На каком пути ты находишься, на том пути и я буду находиться”. Затем Огуз-хан сказал (об этом) своему отцу. Отец его

устроил великий той и отдал дочь Ур-хана (в жены) Огузу. Эта девушка стала мусульманкой, и Огуз очень любил ее» (Кононов, 1958, с. 41).

Трагический конфликт между Модэ и его отцом Туманям у Сыма Цяня возникает из-за того, как отец хочет оставить свой трон не Модэ, а своему младшему сыну: «Шаньюю (Тумань – М.С.) имел наследника, по имени Модэ; после от любимой Яньчжи родился ему меньшей сын; Шаньюю хотел устранить старшего, а на престол возвести младшего: почему отправил Модэ в Юечжи заложником. Как скоро Модэ прибыл в Юечжи, Тумань тотчас произвел нападение на Юечжи. Юечжи хотел убить Модэ, но Модэ украл аргамака у него, и ускакал домой. Тумань счел его удалцом, и отделил ему в управление 10.000 конницы... Следуя за отцом своим Шаньюем Туманем на охоту, он пустил свистунку в Туманя; приближенные также пустили стрелы в Шаньюя Туманя. Таким образом Модэ, убив Туманя, предал смерти мачеху с младшим братом и старейшин, не хотевших повиноваться ему, и объявил себя Шаньюем» (Бичурин, 1950, с. 46–47).

Китайский автор будущего могущественного правителя «варваров» хунну (сюнну) – врагов Китая, специально показывал в качестве отцеубийцы и узурпатора трона, хотя он был законным наследником престола. Согласно Рашид-ад-Дину и Абу-л-Гази, правоверного с рождения мусульманина Огуза, не претендовавшего непосредственно на престол, хотел убить его отец Кара-хан, представляющий иную веру, за то, что его сын является мусульманином и сделал свою любимую жену мусульманкой. Наши авторы описывают эти события в близких друг к другу вариантах.

У Рашид-ад-Дина: «Однажды Огуз со всеми близкими и друзьями отправился на охоту. Его отец, неверный (кафир) Кара-хан, в это время устроил пир. Он поднял чашу в честь всех трех своих невесток — жен Огуза и во время пиршества спросил: «Хотя те первые невестки более хороши, более красивы и более совершенны, чем последняя, в чем, все-таки, причина, что Огуз любит больше ее?».

Обе первые невестки словно ждали такого случая, чтобы излить свои души, и сейчас для них был самый подходящий момент. С ненавистью и враждебностью они сказали: «Огуз призвал нас поверить в единого господа и поклоняться ему. Но мы сказали ему, что такого господа мы не знаем и он рассердился и отдалился от нас. А эта невестка послушалась его приказа, и поэтому он стал проявлять к ней нежность и любовь. И теперь эти муж и жена держатся новой религии, отрицая веру своих предков и отказываясь от нее».

Кара-хан спросил у той невестки, но девушка все отрицала. Кара-хан разгневался и переполнился злобой. Тогда же он созвал своих братьев и родственников и сказал им: «Мой сын Огуз в детстве был счастливым, удачливым и достойным стать государем. Теперь же я услышал, что он отказался от своей веры и выбрал для себя другого господа. Как же мы можем примириться с тем, что какой-то ребенок изменил и нам, и нашему идолу (мабуд) и стал его презирать!».

Сговорившись (кенгеш етмек), они приняли решение убить Огуза. Они собрали воинов и силу, чтобы уничтожить его.

Когда об этом узнала младшая жена Огуза, которая была преисполнена любовью и милосердием к нему, она послала одну из соседок к Огузу, чтобы сообщить ему обо всем.

И Огуз подготовился к войне... Не успел возвращавшийся с охоты Огуз подойти к дому, как его отец и дяди вместе со своими близкими уже были готовы к сражению. Огуз с своими слугами сразился с ними и во время этого сражения были убиты его отец Кара-хан и дяди Кюр-хан и Кюз-хан» (Рашид-ад-Дин, 1987, с. 27–28).

У Абу-л-Гази: «Однажды Огуз отправился на охоту в отдаленное место. Кара-хан, созвав всех своих жен и невесток, устроил угощение. И когда они сидели и вели беседу,

(Кара-хан) спросил у своей жены: “Какая причина тому, что Огуз любит последнюю взятую им жену и совсем не ходит к двум ранее взятым женам?”. Жена его ответила: “Я не знаю. Невестки лучше знают”. Когда хан спросил у невесток, старшая невестка сказала: “Ваш сын — мусульманин и говорил нам обеим: ”Станьте мусульманками”, а мы не согласились. Ваша младшая невестка стала мусульманкой, вот почему ваш сын ее (так) сильно любит”. Выслушав эти слова, Кара-хан созвал своих беков; стали держать совет. И порешили так: “Захватить Огуза на охоте и убить”. Кара-хан послал человека к илю и (приказал) сказать: “Пусть скорее придут, я отправляюсь на охоту”. Младшая жена Огуз-хана, услышав эти речи, отправила к Огуз-хану человека, рассказав все о совете, который состоялся у Кара-хана.

Огуз-хан, услышав эти слова, тоже послал людей к илю сказать: “Отец мой, собрав войско, идет, чтобы убить меня. Те, которые за меня, идите ко мне, те, которые за моего отца, — ступайте к моему отцу”. Большая часть иля пошла к Кара-хану, меньшая часть пошла к Огуз-хану. У младших братьев Кара-хана было много детей; никому и в голову не приходило, что они отложатся от Кара-хана. Все они пришли к Огуз-хану... Оба, Кара-хан и Огуз-хан, построив войска, сразились. Всевышний бог сделал победителем Огуз-хана. [245] Кара-хан бежал. Во время битвы в голову Кара-хана попала стрела, кто ее пустил — не известно. Кара-хан умер от этой раны. Огуз-хан воссел на престоле своего отца» (Кононов, 1958, с. 41–42).

Сравнив эти и другие отрывки и вернувшись опять к китайской невесте-«фальшивке» Модэ, мы допускаем мысль о том, что в наиболее старых, еще домусульманских списках «Огуз-наме» могли быть описаны сражения Модэ против войск китайского отца-императора, унизившего его достоинство и обидевшего до смерти, сунув вместе дочери-царевны дочь придворного вельможи или же девушку из простой семьи. Конфликт, возникший между сыном-шаньюем и отцом-императором у китайского автора не получил свое развитие, или он специально умалчивал об этом, за то мусульманские авторы подробно описывали его трансформационный и наиболее полный вариант в виде женитьбы Кара-хана своего сына Огуза на дочерей своих братьев, прибавив при этом к событиям густую исламскую окраску. Для появления подобного подхода к описываемым событиям способствует сообщение Рашид-ад-Дина о том, что «согласно вере туркмен, монголы (?) происходили из рода Кюр-хана, Кюз-хана и Ор-хана и являются владыками восточных краев. Однако их действительное происхождение неизвестно (может быть, они были китайцами? — М.С.). Также неизвестна судьба тех двух девиц — приняли ли они веру в единого господина и принял ли их к себе Огуз» (Рашид-ад-Дин, 1987, с. 19).

В заключении следует констатировать, что в течение веков и тысячелетий разные списки «Огуз-наме» впитывали в себе исторические события, начиная со времен шаньюя Модэ (Огуз-хана), а именно отдельные эпизоды из сражений Аттилы и его гуннов в Европе, важные моменты государственной деятельности Тоньюкука, премьер-министра Древнетюркского каганата (Государства гёктюрков), многие другие факты Средневековья и более поздних эпох в своеобразном историко-фольклорном манере их отражения (См.: Соегов, 2012, с. 206–214; Söyegov, 2015, с. 490–493). Исследование этих ценных сведений в сравнении с китайскими и европейскими источниками, позволяет вносить важные уточнения к результатам уже проведенных исследований, а также выявить и ставить на повестку дня новые, еще неразработанные научные вопросы. Считаю необходимо также отметить и то, что отдельные ученые считают идентификацию Огуз-хана с Модэ (Маодунем) ошибочной, связывая его историческую личность с более древними событиями, в частности, с древними скифами, о которых писали Геродот и другие античные авторы. Но это тема для другой самостоятельной работы.

Литература:

- БИЧУРИН, Н. Я. (Иакинф) (1950): *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В трех томах. Том 1.* Москва: Изд-во Академии наук СССР.
- КОНОНОВ, А. Н. (1958): *Родословная туркмен. Сочинения Абу-л-Гази (хана хивинского).* Москва: Изд-во Академии наук СССР.
- РАШИД АД-ДИН, Ф. (1987): *Огуз-наме. Перевод с персидского, предисловие, комментарии, примечания и указатели Р. М. Шукюровой.* Баку: Элм.
- СОЕГОВ, М. (2012): Некоторые вопросы раннесредневековой этнической истории туркменского народа в свете трудов Л. Н. Гумилёва по этнологии (в порядке обсуждения). In: *Научное наследие Л. Н. Гумилёва: истоки, эволюция, проблемы восприятия. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилёва (2–3 октября 2012 г.).* Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, с. 206–214.
- СОЕГОВ, М. (2016): О соотношении кыпчакских диалектов Египта XIII–XIV вв. и современного туркменского языка. In: *Тюркология, № 1 (январь-февраль-март).* Баку: Институт языкознания им. Насими, с. 32–36.
- ТАСКИН, В. С. (1968): *Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). (Выпуск первый). Предисловие, перевод и примечания В.С. Таскина.* Москва: Наука.
- SÖYEGOV, M. (2015): “Türkmenlerin Soy Ağacı”nda Ulusumuzun Şanlı Geçmişinin Yansıması. In: *Çağdaş Türk Dili. Sayı: 332. Ekim.* Ankara: Sayfa, p. 490–493.

Summary

Plot about the marriage of Shaniui Модэ/Oghuz-Khan (Under compositions of Chinese Sim Qian, Iranian Rashid-ad-Din and Abu-I-Gazi of Khiva)

Nikita Ia. Bichurin (Iakinf), Friedrich Hirth, Vsevolod S.Taskin and some other scientists have come out for the assumption identifying Shaniui of Gunns (Khunnu, Sünnu) as Mode (Maodun, 234–174 BC) in the Chinese annals with the Oghuz-khan from «Family tree of the Turkmens» and other, earlier “Oghuz-name”. The author of this article has compared subject lines about the marriage of Mode (Oghuz-khan) in these written monuments and has come to conclusion about their main ancient source, though on canon of a genre they have undergone subsequent alterations.

Иллюстрации:

Миниатюра с изображением Огуз-хана на троне (в центре) из рукописи сочинения Рашид-ад-Дина, главного визиря монгольской династии Хулагуидов (Ильханидов) в Иране, еврея по национальности.

Фонтанный комплекс “Огуз-хан и его сыновья” в Ашхабаде (столица Туркменистана), который расположен в начале автотрассы от Международного аэропорта в самый центр города, и входит в Книгу рекордов Гинесса с наибольшим количеством своих фонтанов.

Туркменская монета с изображением Огуз-хана на коне.